

Москва 1861 г. Июля 8

Милостивый Государь
Федоръ Михайлыч!

Честное слово это не будетъ фразой если я скажу Вамъ, что рѣдко бывалъ такъ взволнованъ и изумленъ, какъ вчера, получивъ письмо Платона Александрыча, въ которомъ онъ описывалъ мнѣ какъ возмутила Васъ моя статья. Я надѣюсь, что объясненія мои будутъ удовлетворительны, потому что мнѣ предстоитъ говорить только правду. При тѣхъ чувствахъ самаго искренняго и глубокаго уваженія которое я къ Вамъ питаю, при тѣхъ немногихъ и оставившихъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе отношеній въ которыхъ мы съ Вами были право не можетъ существовать и мысли объ какихъ нибудь намекахъ на Васъ. Хотя у меня нѣтъ черновой несчастной статьи; но я какъ нарочно помню злополучныя мѣста возбуждшія недоразумѣнія и удивляюсь какъ тутъ могли быть какія нибудь недоразумѣнія? Тамъ стоитъ: не можетъ пустой ораторъ унижающій и оскорбляющій быть поэтомъ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ».>

// <л. 3>

Но Федоръ Михайлычъ вы же вѣдь и написали «Униженныхъ» и Оскорбленныхъ» значить нечего толковать о томъ что можно когда уже это есть на дѣлѣ. Виновато проклятое неумѣнье выражаться. Меня ей Богу оскорбляетъ уже эта мысль допустить возможность подобнаго намека. Съ какой стати? Откуда я могъ какія свѣдѣнія получить? Неужели можно такія вещи говорить съ вѣтру со слуховъ? Единственный человѣкъ, отъ котораго я въ послѣднее время слышалъ объ Васъ, это Платонъ Александрычъ и все что я отъ него слышалъ могло только развѣ увеличить мое уваженіе къ Вамъ и подтвердить впечатлѣніе оставленное во мнѣ нашимъ знакомствомъ. Но послушайте Федоръ Михайлычъ — Вы наконецъ не признаете во мнѣ здраваго смысла или ужъ я не знаю что и думать. Писать клевету и посылать ее для напечатанія оклеветанному — что же это такое? А если не для напечатанія, то кто же станетъ нѣсколько листовъ исписывать трудиться, чтобы только сказать пустую фразу, пустую если бы она хоть сколько нибудь враждебно относилась къ Вамъ. Но это не пустая фраза и относится къ Вамъ только какъ выраженіе уваженія. Это вѣдь все равно сказать, что не можетъ быть положимъ горькое сладкимъ и выводять изъ этаго оборота что горькое — есть сладкое. Но ей Богу мнѣ изъ рукъ вонъ досадно и обидно что приходится вдругъ увѣрять Васъ въ моемъ уваженіи — и неловко и скверно

// <л. 3 об.>

и я не знаю что! Меня также бы изумило и оскорбило если бы кто сердясь и серьезно сталъ бы мнѣ доказывать, что я стиховъ не понимаю и къ поэзіи отвращеніе чувствую. Нѣтъ, это бы меня насмѣшило а тутъ вовсе не до смѣху.

Что же касается г. Григорьева — гдѣ я его браню хоть словомъ, хоть намекомъ? Развѣ можно назвать бранью цитаты изъ автора? Тамъ стоитъ сколько я помню: «или вѣянія, по выраженію г. Григорьева». Что же тутъ? Главное досадно когда и мысли объ этомъ не имѣешь а на тебя сердятся и говорятъ¹ что она есть. Это какъ цензоръ иногда найдетъ противузаконное тамъ гдѣ и не ждешь. Просто только руками разведешь.

Что касается книги Наума она попалась мнѣ случайно и ужъ я совсѣмъ не зналъ, что ее писалъ кн. Одоевскій, кот<ораго> я очень уважаю и многія сочиненія его люблю. Мнѣніе мое вызвано не лицомъ а книгой. Я помню какъ въ Общ<ествѣ> Л<юбителей> Р<оссійской> Сл<овесности> Ив. Серг. Аксаковъ читалъ въ статьѣ своего брата о воспитаніи, что сказки дѣдушки Иринея пошлы и что онъ потому ихъ и пишетъ кажется что самъ находится въ состояніи дѣтства или что то въ этомъ родѣ. Неужели же Конст. Серг. имѣлъ что ниб<удь> личное противъ дѣдушки Иринея? Я полагаю ничего кромѣ того, что ему сказки не нравились. Конечно досадно что трудъ хоть и маленькій пропадетъ — но мнѣ не впервой — я ужъ привыкъ къ этому, да и игра свѣчъ не стоитъ. Если Вы не найдете возможнымъ хоть съ оговорками изъ редакціи и поправками какими Вамъ

// л. 4

угодно, не противорѣчащими мнѣніямъ статейки, напечатать ее, то прошу Васъ передать ее Платону Александрычу. Объ ней и покончено. Я вообще не очень дорожу статей какъ статей и ея напечатаніемъ. Очень жалѣю, что обстоятельства принуждаютъ меня теперь дороже цѣнить себя чѣмъ бы можетъ быть слѣдовало и просить напр. Михаила Михайлыча хоть какую нибудь плату положить за стихи. Три рубли со страницы, кажется назначенные Вами, меня удовлетворяютъ — все же это не ничего. Для меня нѣтъ теперь ничтожныхъ суммъ.

Вѣрьте Ѳедоръ Михайлычъ что все это написано потому что я не могъ не написать. Честное, благородное слово у меня не было никакой, даже самой отдаленной мысли, объ какихъ нибудь намекахъ. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь пока не получу отвѣта на это письмо. Ради Бога хоть двумя словами успокойте меня, увѣрьте что нѣтъ теперь никакихъ недоразумѣній что я виноватъ только въ неумѣнны выражаться. Богъ съ ней со статьей! Еще разъ прошу Васъ Ѳедоръ Михайлычъ ради Бога хоть двумя словами отвѣтить мнѣ и по скорѣй потому что я скоро ѣду изъ Москвы. Вамъ это можетъ неважно, но мнѣ крайне тяжело и непріятно. Пожалуйста-же Ѳедоръ Михайлычъ.

Истинно и глубоко Вамъ преданный
Ѳ. Бергъ.

Адресъ мой: На Патріаршихъ прудахъ д. Задворнаго въ Егорьевскомъ переулкѣ Ѳед<ору> Ник<олевичу> Бергу. На счетъ стих. «Деревня» если оно

¹ Вмѣсто: говорятъ — было: доводятъ

всё не пойдёт то озаглавьте Отрывокъ или какъ найдете лучше. Поправокъ за хлопотами сообщить не могу. А жаль, потому что, прямо говоря, мнѣ хочется чтобы это стих<отвореніе> было напечатано.

// л. 4 об.